

РМНОГО
КА
ИЗ НИЧЕГО

СУДЬБА И СУШИ

Анастасия
Колпашникова

Анастасия Колпашникова

Много рока из ничего

«Автор»

2026

Колпашникова А. В.

Много рока из ничего / А. В. Колпашникова — «Автор», 2026

После того, как университетской треш-поп-панк-рок-группе преподавательский состав предпочитает деревенский хор, пятеро парней пытаются вписаться в плеяду участников провинциального рок-фестиваля. Вот только приведёт ли тернистый путь к звёздам? Да и звёзды-то на областном уровне весьма условные.

© Колпашникова А. В., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Колпашникова

Много рока из ничего

Как только с силой открылась дверь, присутствующие в аудитории сразу же, как по команде, посмотрели в её сторону. Теперь все были в сборе, и заседание учёного совета могло начинаться.

Речь идёт об одном из вузов города Стрижевска, Университете Гуманитарных и Общественных Наук, более известном как УГОН. К некоторым спискам лучших университетов мира он имел непосредственное отношение – руководство подсматривало в них дизайн для оформления рейтинга студентов. На эмблеме учебного заведения красовалась сова, вопреки законам физики и биологии сжимавшая крылом яблоко. На заре существования университета группа студентов искусствоведческого факультета предложила в качестве символа мужчину в чёрной маске за рулём автомобиля, но тогдашний ректор не понял их юмора.

Вошедший в аудиторию мужчина мелкими суетливыми шагами преодолел расстояние между дверью и кафедрой, при этом покачивая остатками седых волос на голове и рукой, сжимающей портфель:

— Значит, как обстоят дела в нашем учебном заведении? Аудиторий не хватает, учебные пособия давно не обновлялись, высокий процент увольнений, в конце концов, - все пятеро присутствующих энергично закивали на последней фразе. – Однако давайте обратим внимание на более насущные вопросы, например, кто будет выступать на юбилее вуза?

Женщина в светло-зелёном костюме, с тёмно-каштановыми волосами, которые вились мелким бесом благодаря химическим процедурам, поднялась со своего места:

- Павел Аркадьевич, позвольте мне провести собрание. Я здесь ректор, как-никак.

Павел Аркадьевич хотел возразить, но понял, что инициатива Казанцевой Веры Игоревны не лишена здравого смысла, и занял место за одной из длинных парт. Ректор подошла к кафедре, на ходу листая толстую папку:

- Так, что у нас на повестке дня? – она захлопнула папку, внезапно вспомнив что-то. – Юбилей вуза! Что там с развлекательной частью? Давайте подумаем, что может понравиться как студентам, так и преподавателям?

- Хип-хоп, - сказал лысеющий мужчина, на столешнице перед которым стояла табличка с надписью: «Проректор по учебно-методической работе».

Женщина с короткой стрижкой, теребившая табличку «Проректор по административно-хозяйственной части», покосилась на него с подозрением и вставила свои пять копеек:

- Брейк-данс.

- Ну же, будьте покреативнее, - сказала Казанцева со вздохом.

- Электронная музыка? – неуверенно предложил мужчина в квадратных очках из-за таблички, загадочно гласящей: «Проректор по общим вопросам».

- Разве можно было предложить что-то более устаревшее? – Рюмина Алла Львовна едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Блондинка в белой блузке, разрисованной голубыми бабочками, она была заметно младше и активнее остальных присутствующих. – Хоровое пение!

Ректор расплылась в улыбке, вытягивая вперёд руку:

- Аллочка, вы прямо-таки мои мысли лучше меня читаете!

- Я же веду внеучебной деятельностью, креатив – часть моей работы, - приосанилась Рюмина. – Я и пару хоров могу порекомендовать.

- Правда? Нам нужно обсудить это прямо сейчас, в моём кабинете. Все свободны!

Две женщины бодро вышли в коридор, чуть не сшибив открывающуюся дверь студента.

-Ой, извините! – парень шагнул назад.

Витя Бобров не просто так проходил мимо. Он имел прямое отношение к развлекательной жизни УГОНа. Услышав некоторые слова из-за двери аудитории, он понял, что ему стоит быть в курсе обсуждаемого.

- Мы тут как раз репетировали наше выступление к юбилею университета... - он собрался задать возникшие у него вопросы.

- Так, погодите, вы кто? – прервала ректор.

- Я из треш-поп-панк-рок-группы «Дэвид Копперфильд».

- И на чём вы в этой группе играете?

- На губной гармошке.

- Что у вас за вопрос?

- По поводу нашего выступления на юбилее вуза.

- Вам не нужно выступать на юбилее.

Сердце Вити неприятно ёкнуло.

- Почему? – спросил он, помедлив.

- Потому что у нас поменялась маркетинговая стратегия. Мы нанимаем хор. И к последующим мероприятиям это тоже относится.

- Жаль, если это действительно так, - Бобров потупился. – Университетские мероприятия были нашей главной возможностью выступать.

- Я прекрасно вас понимаю, - заверила Казанцева. – Но решение менять не буду.

Они с Аллой направились в кабинет ректора.

Витя вернулся в студенческое общежитие подавленным, как лягушка из-под асфальтоукладчика. Парень лёг на кровать, игнорируя и то, что она была не разобрана, и то, что на нём всё ещё была уличная одежда. Он был не только «Витёк с губной гармошкой», но и автор текстов многих песен. И «Дэвид Копперфильд» был для него не просто группой. Бобров уставился на фотографии дикой природы Сибири, развешанные на стене, на половине соседа. Самого соседа в комнате не было – скорее всего, пошёл лечить укусы амурских тигров. Музыкант устало потёр рукой глаза. Почему лицо было мокрым – от противной весенней мороси или от слёз?

У двери послышались шаги, а затем на кровати почувствовалась дополнительная тяжесть. Егор Горьянов опять вошёл без спроса. Егор называл себя менеджером группы. «Менеджерство» это выражалось в ношении серого костюма, отращивании козлиной бородки, просматривании цен на музыкальные инструменты и рекомендациях выступать у своих знакомых. Не дожидаясь реакции на своё присутствие, Горьянов заговорил:

- Ты, как я вижу, в курсе. Меня тоже Алла Львовна обрадовала.

- Вот так... Вроде ничего от жизни не ждёшь, а она отнимает и то, что есть, - высказался Витя. – И что теперь делать?

- Понятно, что – страдать, писать песни, ненавидеть получившийся результат и сжигать, и так до тех пор, пока соседи не вызовут пожарных. А потом начать всё с чистого листа и изобрести пост-треш-поп-панк-рок.

Витя повернулся к Горьянову, почувствовав, что тот хочет сказать что-то поважнее.

- Понимаешь, неудача должна подтолкнуть нас к поиску новых путей развития, - продолжал Егор. – Вот я и решил закончить ту статью про нас, которую начал писать в «Панкопедии».

- Где начал писать?! – удивлённый Витя приподнялся на локтях.

- В онлайн-энциклопедии, посвящённой неформальной музыке, - пояснил Егор, хотя речь шла об известном, не нуждавшемся в представлении сайте.

Витя встал с кровати, словно подталкиваемый любопытством:

- И... долго ты, наверное, работал?

- Самыми трудными были первые пятьдесят минут. Я подбирал пароль, который система сочла бы безопасным. Сейчас покажу...

- Вон мой ноутбук, он включён.

Егор сел за стол и защёлкал мышью.

- Исправный компьютер – счастье в семье, - пробормотал он. – Вот, принимай работу, - на экране высветилась стена белого текста на чёрном фоне.

- Из какого пальца ты столько высосал? – Витя скользил глазами по экрану, слишком сконфуженный, чтобы вчитываться. – Мы ведь даже альбомы не выпускаем.

- Да, по поводу этого... Помнишь, Рустам рассылал вам голосовые сообщения, где напевал мелодии припевов для песен? Пришлось собрать их в одну запись, выложить на сайт и добавить ссылку в статью.

- Он же на них кашлял!

- Авангард. Эксперименты. Несовершенство записи помогает стать ближе к слушателю.

- И вообще, на какой сайт ты их выложил?

- На официальный сайт группы.

- У нас его нет!

- Теперь есть. Пришлось раскошелиться на веб-дизайнера.

Бобров почесал затылок, как будто задумался, но, на самом деле, в его голове не было ни одной мысли.

- А как ты составил список источников? В энциклопедиях такого рода нужны ссылки на упоминания в журналах или что-то в этом роде.

- О нас же писали в университетской газете.

- А как же более авторитетные издания?

- Я и об этом позаботился.

- И на кого раскошелился?

- На принтер.

Антон Юдин торопливо перешёл дорогу на мигающий зелёный свет, увидев на другой стороне улицы своего друга Марка Мильнера.

- Привет! А что про репетицию все молчат? У нас же скоро выступление на юбилее УГОНа! – проговорил полный блондин, слегка запыхавшись.

- В том-то и дело, что выступления не будет, - ответил Марк с присущей ему иронией в голосе.

- То есть, как это – не будет? – вытаращил глаза барабанщик группы «Дэвид Копперфильд».

- Вроде как, УГОН в наших услугах больше не нуждается, - общо сказал рыжеволосы и веснушчатый бас-гитарист.

Ударник запрокинул голову, подняв глаза к небу, и издал негромкий стон.

- Слушай, раз уж мы с тобой встретились, сходи со мной за метрономом! – предложил Марк. - Я недавно на него денег накопил.

- А потом ты куда?

- В магазин «Авоська», жвачку купить.

- Здорово! Можно мне и туда с тобой?

- Не спеши радоваться, может, ещё не подвезли твои любимые яблоки с карамелью.

Они прошли пару кварталов и спустились по лестнице, ведущей на цокольный этаж здания. В помещении магазина «Живая нота», помимо басиста и барабанщика, оказался только один продавец. Марк выбрал путь между стеной, увешанной гитарами, и полками с игрушечными пианино, чтобы подойти к молодому человеку в фиолетовой футболке, который сидел за прилавком и смотрел в экран телефона. Антон шагал следом.

- Извините, есть у вас метрономы?
- К сожалению, не завезли.
- Как? – Мильнер недоверчиво нахмурился.
- Грузовиком! – сказал продавец с раздражённым вздохом.

Марк решил быть настойчивее.

- Видите ли, семья моего друга владеет этим магазином, - сказал он, наклонившись к прилавку. – Фамилия Горьянов говорит вам о чём-нибудь?

- Что же вы сразу не сказали? Сейчас попробую поискать, - молодой человек отложил телефон и пододвинул к себе бумажный каталог товаров. – Посмотрим... Вам большой или маленький? Какие породы дерева предпочитаете? Ещё разные цвета есть...

- Вообще-то, мы музыканты, - робко прояснил ситуацию бас-гитарист.

- Ну нет, - продавец покачал головой и убрал каталог в стол. – Если бы вы этим метрономом собирались орехи колоть, то я бы понял... А музыку играть – это как-то подозрительно. Не собираюсь я из-за такой мелочи поставщиков беспокоить.

- Между прочим, человек деньги копил, а вы его подводите! - попытался упрекнуть работника магазина Антон.

- Могу предложить нотные папки. Они практически не портятся, если ставить на них горячие кружки, - продавец махнул рукой в сторону дальней полки.

- Нет, спасибо. Я не для этого неделю в универ пешком ходил, - отказался Марк.

«Авоська», куда друзья направились следующим делом, принадлежала сети продуктовых магазинов. За кассой виднелись пышные формы Розы Григорьевны. Расположив на рабочем месте косметичку и зеркало, продавщица наводила марафет. Её не смущало не только то, что магазин был уже давно открыт, но и то, что у кассы успела собраться небольшая, но всё-таки очередь.

- Роза Григорьевна, если я не ошибаюсь, магазин уже работает, - намекнул кто-то из готовящихся оплатить покупки.

Женщина послала неодобрительный взгляд этой «неучливой свинье»:

- Вы хотите, чтобы вас обслуживала продавщица, страшная, как не выспавшийся крокодил? Дайте мне привести себя в порядок!

По очереди пронёсся неодобрительный шёпот. Из посетителей магазина только Юдина не раздражало поведение продавщицы. Он просто смотрел на неё, ловя каждое движение. Роза Григорьевна была причиной, по которой он зашёл в этот магазин. Она была причиной, по которой он заходил в этот магазин почти каждый день, хотя предпочитал заказывать продукты в Интернете. Неужели он и сегодня будет переминаться с ноги на ногу, пока они обе не станут желейными, у кассы бормотать ничего не значащую ерунду о погоде, а потом всю дорогу до дому ненавидеть собственную слабость? Надо же как-нибудь сдвинуться с мёртвой точки. Марк ушёл со своей ежевично-ананасовой жевательной резинкой, а Антон остался. Он хотел набраться смелости. Барабанщик открыл свой вместительный, но почти пустой рюкзак, и достал из него крупную георгину, завернутую в газету. Может, после этого она хотя бы запомнит его? Это немного, но лучше, чем ничего.

Во входную дверь протиснулся пышный букет. Следом показался мужчина, одетый в чёрный костюм в тонкую белую полоску, и, миновав очередь, подошёл к кассе:

- А вот и розочки для нашей Розочки!

- Ну что вы, Гиацинт Альфредович, не стоило! Ой, а что это вы на упаковочную плёнку не разорились?

Продавщица благосклонно приняла цветы, на которые издали смотрел Антон, прикидывая, сколько же эта красота стоит. Свою георгину он стыдливо спрятал в рюкзак. Видимо, сегодня не его день.

Витя проснулся утром за ноутбуком. Ночью он ждал, пока появится обсуждение статьи в «Панкопедии», но вырубился. Перед тем, как собираться в УГОН, решил ещё раз проверить комментарии. За ночь сляпанная Егором статья успела стать предметом бурного обсуждения. Редакторы спорили, какой Глуховец имеется в виду – городок в Стрижевской области или село в Сибири.

Витя не понял, почему их зацепила именно эта деталь. Он много чего в этой жизни не понимал. Не понимал, например, почему нужно обязательно улыбаться на фотографиях, не понимал, почему чёрный деловой костюм – это элегантно, а чёрный свитер – слишком мрачно, почему нужно объедаться оливье на Новый год, хотя жирную пищу он, во всех смыслах, не переваривает, почему женщины постарше осуждают подведённые глаза больше, чем чрезмерно сильный запах духов, и почему самые вежливые люди называют незнакомцев «милочка» или «голубчик».

Виктор Бобров плохо помнил своё детство, прошедшее в маленьком городке Стрижевской области под названием Глуховец. Заснеженная детская площадка во дворе, стояние в очередях к кассе за руку с мамой, соседская кошка, лежавшая у окна на лестничной клетке и кусавшаяся каждый раз, когда кто-то, кроме хозяев, пытался её погладить – вот и все размытые иллюстрации того времени.

Иногда он вспоминал, как ему покупали букет для праздничной линейки. Пока мама, советуясь с продавщицей, выбирала между розами и тюльпанами, маленький Витя отошёл в дальнюю часть магазина. Там, в стилизованной под садовую лейку вазе, стояли подсолнухи, яркие, как маленькие солнышки.

- Смотри, что там есть! – он подёргал маму за рукав куртки.

- Ай? – она обернулась.

Мальчик поднёс три подсолнуха к её лицу.

- Где ты это взял? Подожди, сейчас я ещё про обёртку спрошу.

- Я хочу взять их на линейку! – Витя потряс цветами в радостном волнении.

- Подсолнухи? В школу? Но все остальные принесут цветы поярче. Ты будешь белой вороной!

Недоумение родительницы пошатнуло его уверенность, но он всё-таки спросил:

- Почему надо приносить такие же цветы, как и все остальные?

- Видишь ли... – вопрос сына явно поставил женщину в тупик, она в растерянности бегала глазами по помещению. – Ой, смотри, у них украшения в виде пчёлок есть!

Более-менее чёткие воспоминания начинались с его одиннадцатилетия, когда он пошёл в шестой класс. В этот период его интерес к написанию стихов оформился в увлечение. Наверное, только во время сочинительства он не чувствовал себя манекеном для школьной формы. Темой для его творчества могло стать всё, что угодно, от переезда на новую квартиру до сорванного урока географии. Правда, работы его дальше ящика письменного стола не выходили. Папа-биолог читал только научные журналы, мама-продавщица Интернет-магазина утверждала, что не разбирается в поэзии, хотя, слыша от сына слова вроде «амфибрахий» или «перекрёстная рифма», становилась серьёзной и старалась ему не мешать. Что касается его друзей-одноклассников, один из них – Вовчик – считал, что Боброву лучше осваивать скейт-борд, а второй – Колян – слыша о любой поэзии, просто закатывал глаза. Такой вот «аутсайдер-клуб» из трёх человек. Остальные соученики... А что Витя им скажет? Он и так предпочитает джинсы с барахолки брюкам из фирменного магазина, ему интереснее наблюдать за

турнирами по карате, чем за футбольными матчами, ему нравятся девчонки, которые носят очки, а тут ещё за стихи придётся оправдываться.

В их классе были популярные ребята, самый яркий пример – Женя Мартынов, кудрявый, голубоглазый блондин, улыбочивый, общительный, любящий командные виды спорта и подвижные игры, учившийся примерно одинаково хорошо по всем предметам и неплохо льстивший учителям, которому Витя был полной противоположностью. Ему казалось, что Женя свысока смотрит на тех, кого называет друзьями, и удивлялся, что это не отталкивает ребят от него.

Той осенью отец Вити ушёл из семьи.

Он помнил, как мама ворвалась на кухню, потому что молоко на плите уже готовило план побега, а Витя, за обедом придумывавший очередное четверостишие, от неожиданности чуть не подавился картошкой из супа.

- Ну, что ты так испуганно на меня смотришь? – полушутя спросила мама, ставя металлическую кружку на клетчатое кухонное полотенце. – Мне настолько не идёт этот фартук?

Витя поспешно кивнул, но потом сообразил, что не надо было этого делать.

- Я просто задумался, - поспешил он исправить положение.

- Лучше бы ты о будущем своём задумался, - перешла на серьёзную тему мама. – Куда после школы поступать будешь?

- Скорее всего, на искусствоведческий.

- Почему именно туда?

- Для других факультетов у меня связей нет. А мозгов и подавно.

Терпеливо улыбнувшись, мать потрепала тёмно-русые волосы сына:

- Ох, балбес ты мой любимый...

В комнате зазвонил телефон, и она ушла отвечать. Сидя на кухне, Витя мог слышать часть разговора:

- Слушай, я сегодня тоже думала, что позже вернусь. Захожу в почтовое отделение, оплатить коммуналку, а там очередь размером с девятый вал на картине Айвазовского... - вдруг интонация мамы стала насторожённой: - Как это – не придёшь? Ты у неё ночевать собрался? - а потом её голос совсем упал: - Это твоё окончательное решение? У меня нет слов.

Без прощаний повесив трубку, Боброва вернулась на кухню. Витя догадывался, что происходит, но молчал. Мама понимала, что ему всё очевидно, но тоже не говорила ни слова.

- Доедай суп, - наконец, спокойно велела она.

- Я не могу, - опустил глаза Витя.

- Убери в холодильник – доешь вечером.

Они оба знали, что к вечеру ничего не изменится.

Папа ушёл. Оставил семью ради другой женщины. Он больше не перепутает стихи сына с черновиками своих научных работ, больше не забудет, что обещал сводить их в зоопарк, больше не потратит половину семейного бюджета на новый микроскоп...

- Сходи со мной на рынок – поможешь покупки нести, - сказала мама на следующий день. – Теперь ты у меня один мужчина в доме остался.

Позже, на рынке, мама вспомнила, что им не нужно покупать чернослив в шоколаде, потому что он нравился только папе, и на её глазах выступили слёзы.

Вите говорили, что мужчины не плачут, поэтому каждый день он садился на пол в своей комнате, зарывался лицом в покрывало на кровати и проводил в этом положении минут тридцать. Он всё ждал, что отец вернётся, или что закончится неприятный сон. А в школе классная руководительница просила «надеть улыбку».

- Как дела у тебя дома? Батя возвращаться не надумал? – поинтересовался Вовчик, когда Витя сидел с друзьями в школьной столовой.

Столовая могла запомниться только запахом дешёвого какао и плакатом с просьбой не бросать пищевые отходы мимо мусорок, на котором был нарисован школьник с лицом сорокалетнего мужика.

- Таких намерений у него нет и не предвидется, - поделился Бобров, неохотно пережёвывая котлету с рисом. – Только иногда он приходит забрать вещи.

- А мама?

- Плачет. Ей, похоже, очень одиноко.

- А когда папа приходит?

- Плачет ещё больше.

- Ой, какой кошмар! – Колян, до этого не принимавший участие в разговоре и собиравшийся приступить к потреблению пищи, вдруг подключился.

- Нет необходимости так вздыхать из-за меня, - Витя поспешил его успокоить.

- Мне досталась гнутая вилка, - Колян насупился.

- Давай, я заменю. Как раз собирался посуду отнести.

Бобров пошёл с полупустой посудой по полу, на котором кто-то разлил компот. Он внимательно смотрел себе под ноги и налетел на человека.

- Витёк! Смотри, куда идёшь! – над ухом раздался возмущённый голос Мартынова.

- Извини, это случайно, - пробормотал Витя.

- Что ты всё время путаешься под ногами у нормальных людей? – не собирався отставать Женья. - Ещё и воняешь гуталином, как твоя мама!

Витя напряжённо посмотрел на одноклассника. Край тарелки он при этом сжал так крепко, что побелели костяшки пальцев.

- Наверное, поэтому папа от вас и ушёл!

Витя не мог точно понять, что произошло дальше. Перед глазами словно всё смазлось. Как кричит самый популярный парень класса, когда за шиворот ему суют горячую котлету? Боброву довелось это слышать. И вместе с ним – всей столовой, а то и всему этажу.

На последовавший скандал прибежала классная руководительница, за руку оттащила Витю в свой кабинет и потребовала телефон матери.

Когда парень после уроков встретил маму у выхода из школы, та не стала его ругать. Она как будто весь день делала это мысленно и уже устала.

- Поверить не могу, что мой спокойный, цивилизованный ребёнок вздумал решать проблемы рукоприкладством! – запричитала она. – Что за странное существо тебя укусило, м?

Витя поджал губы. Не будет же он озвучивать ту гадость, которую сказал о ней Мартынов.

- Мы подрались из-за девочки.

- Из-за какой ещё девочки? Ты, парень, что-то недоговариваешь... - помолчав немного, мама вспомнила, что у неё нет времени дожидаться ответа. – Ладно, напомни имя-отчество вашей классной и подожди меня спокойно.

- Это Ольга Юлиевна, которая ведёт математику. Не Юлия Олеговна, многие путают.

- Ольга Юлиевна...

Бобров сел на скамейку у стены, проводил взглядом поднявшуюся по лестнице родительницу и так и остался сидеть в постепенно пустеющей школе.

Когда мама спустилась с лестницы, она смотрела на Витю, почти не моргая, и приближалась к нему не очень быстро, но решительно, потом она молча обняла его и держала так долго, что ему стало неловко.

- Я всё знаю. Ты хотел, как лучше.

Витя понятия не имел, что нашло на маму. Как выяснилось позже, кто-то из жениных обиженных подхалимов передал его слова взрослым.

Бобров-старший, в конце концов, вернулся домой, хоть и не совсем по своей воле. Как-то раз они всем классом решили зайти домой к учительнице биологии, чтобы устроить ей сюрприз и поздравить с днём рождения. Там и произошла яркая встреча Вити с отцом. После этого преподавательница дала учёному от ворот поворот, не горя желанием родниться с учеником. Витю причина не волновала. Он был просто рад.

После первой пары Горьянов сказал Боброву, что группа собирается в университетской столовой, и они направились туда. Ребята были почти в сборе: Антон с Марком, Рустам Гелашвили, Алдар Чонаев. Вокалист Рустам сосредоточенно «листал» пальцем свой планшет, значит, обсуждать предстояло вопросы серьёзные.

- Садитесь, ребята. Я вам омлет взял, - заботливо сказал Антон.

- Я не голоден, - сказал Витя. Пока что узнать, что задумали друзья, ему хотелось больше, чем есть. – Как у вас дела с учёбой? – спросил он из вежливости.

- Как обычно, стал на день старше и глубже в долгах по заданиям, - отозвался Рустам. – Святой Пётр, не зови меня, я не приду, у меня ещё остались «хвосты» с прошлой сессии, - произнесение им последней фразы отдалённо напоминало пение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.